

ВЛАДИМИР КУДРЯВЦЕВ

“ЧТО ВСПОМНЮ Я?..”

1

О книге Марины и Андрея Кошелевых “Что вспомню я? Фотосюиты на стихи Николая Рубцова” (Москва-Вологда, 2011), кажется, всё уже сказали. В предисловии к ней Андрей Сальников отметил, что эту “книгу с поэзией Рубцова роднит их умение услышать и воспроизвести в своём произведении голос русской земли и её истории”. Он сравнил книгу с “мозаикой, калейдоскопом, деревенским половиком”. Но её “пёстрые нити или разноцветные стёклышки, кому что ближе, – сходятся в одну картину, потому что они, эти стеклышки и ниточки, скрепляются любовью – к Рубцову, к Вологодчине, к поэзии...”

В послесловии к книге Лидия Беляева, руководитель литературно-краеведческого центра имени Николая Рубцова (Череповец), выделила другие её достоинства: “Здесь и малоизвестные факты биографии поэта, и новый, свежий взгляд на события его жизни, и диалог Николая Рубцова с классиками русской литературы, и опорные точки для исследователей – в виде фотографий и выверенной последовательности дат, приведённых в “хронике жизни” Рубцова”.

Марина Зуева, член литературно-краеведческого клуба “Госпожа Провинция”, генеральный директор ООО РПК “Кластер”, открывает для себя на каждой странице книги “эмоциональную живопись” и, глядя на фотографии, слышит музыку во всём – “в плеске воды, в шуршании осенних листьев, в крике журавлей...” Для неё книга “наполнена светом, силой созидания, духовными исканиями, поиском ответов на вечные вопросы...”

А для Людмилы Петровой, главы управы района Старое Крюково города Москвы, эта книга, достойная граждан древнего города, “внесёт вклад в решение задач просветительства, изучения и сохранения отечественного культурного наследия и расширения культурных связей Зеленограда с российскими регионами...”, в данном случае – с землёй вологодской.

2

Всё верно. Каждый, кто однажды прочитает эту книгу, тот непременно в сокровенном общении с ней сотворит и свой мир.

Для меня же сама эта книга есть поэтическое откровение души русского человека. Это как раз тот случай, когда слово поэта, благодатно отзываясь в родственной душе, подвигает её на раздумья, пробуждает в ней вдохновение и вызывает на радостное и счастливое сотворчество.

Это тот случай, когда в душе, как чистый родник, пробивается разлитая в мире поэзия земной жизни, которая требует себе достойного оформления. На этот раз поэзия облеклась в негромкое, но доверительное слово литературного краеведа и в живые картины мастера художественной фотографии.

Это именно тот случай, когда стихи Николая Рубцова стали для авторов книги поэтической реальностью, а это значит, “творческая воля” поэта, воплощённая в них, стала и их личной волей как читателей. Истинная поэзия, по Ивану Киреевскому, — это не “тело, в которое вдохнули душу, но душа, которая приняла очевидность тела”. Стихи не просто живут в них самостоятельно, облачённые духом и плотью, но и побуждают их к сопереживанию, к ответному действию, к постижению житейских истин и скрытых смыслов — в мире и природе.

Что вспомню я? — спрашивают авторы. И вспоминают то, что им стало в жизни дорого и свято: поэзия Рубцова, земля, на которой он вырос и жил, — деревни, села, города, люди.

Я листаю книгу, читаю текст Марины Николаевны, смотрю пейзажи Андрея Васильевича и чувствую, как между мной, поэтом и авторами книги набирает силу негромкое, но такое теплое, исцеляющее душу общение. То высокое общение, которое по нынешним временам так редко у нас в жизни случается и по которому неизменно тоскуют наши взыскующие света души.

Я открываю книгу и сразу слышу голоса, звуки и запахи ушедшей эпохи, вижу на старых фотографиях почти иконные лики наших предшественников. Не без радости узнаю, что у Марины Николаевны бабушка Анна Григорьевна жила в Вологде “на кирпичном заводе рядом с Прилуками”, что после смерти мужа она подняла четверых детей, среди которых был и её отец — Уров Николай Анисимович. Марина Николаевна приезжала на похороны бабушки. Такого не забывается...

Вот почему для меня и внутренняя драматургия книги завязана, прежде всего, на этой родовой причастности авторов к Вологодчине. Именно она обостряет их чувства, углубляет думы, делает зорче взгляд и проникновеннее слово. Именно “пересечения” судеб, порой неожиданные и даже в чём-то мистические, побуждают их “к исследованию жизни и творчества Рубцова” и выводят Кошелевых через людей разных званий и сословий (от художника Константина Воробьёва до священника Владимира Сибирцева) на вологодские и российские перекрёстки рубцовой жизни.

Что вспомню я? — спрашиваю я себя, принимая предложение авторов “подумать о своей собственной жизни” (вместе с Николаем Рубцовым и с ними).

Читаю книгу, и для меня каждая из восьми глав наполнена поэзией слова и цвета, русской деревни и северной природы, моря и воды, странствий и путешествий, седой старины и человеческого общения...

Читаю книгу, а память постоянно возвращает меня к истокам и к раздумьям о них.

3

Почему Кошелевы обратились к поэзии Рубцова? Разве мало на Руси, в Вологде и Москве хороших поэтов? Вопрос не праздный. Так уж случилось, что в 1930 году после раскулачивания судьба привела семью отца Марины Кошелевой из приволжского села Удельная Маянга в Вологду. В 1974 году Мария Анисимовна, сестра отца, жившая в одном дворе с Николаем Рубцовым, подарила племяннице, приехавшей на похороны бабушки, сборник его стихов — “Зелёные цветы”. “Открываю книжку, — вспоминает Марина Николаевна, — и словно мороз пробегает по коже: “Взбегу на холм и упаду в траву...” Стихи легли на душу.

А легли, наверное, потому, что поэт, как никто другой, смог выразить в стихах не только свою душу, но и душу самого народа: “На то и призвание поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возвратить нам...” (Гоголь). Он уловил и сумел передать в стихах то, что ещё только вызревало в ней, но уже мучило предродовым томлением, искало форму воплощения и просилось наружу. Рубцов был из тех поэтов, которые, по словам Вадима Кожинова, в своих стихах “запечатлевают не внешнюю сумятицу волн, не рябь, возникающую на его поверхности от глубинных течений, а схватывают существенные, корневые черты эпохи”.

Такого поэта народ ждал. Не случайно на него сразу, жадно и с радостью отозвалась каждая истомившаяся по правде и по чистоте душа, услышав интонации и мотивы, уже давно звучащие в ней, обретая через поэта свой неповторимый голос.

Кошелевы как раз из тех людей, кто не только почувствовал в Рубцове родственную душу, но и взял на себя труд поведать современникам о своём опыте постижения его поэтического мира, в котором много сокрыто важных для нас откровений, признаний и прозрений.

Свою книгу они готовили не один год. Объездили все города и веси, связанные с жизнью Рубцова. И понятно, не только для того, чтобы уточнить дату проведения в Вологде семинара молодых писателей или опубликовать малоизвестные факты биографии поэта, хотя для краеведов и это, безусловно, важно. Не только для того, чтобы лучше узнать Россию и пополнить фотогалерею её литературных мест. И наконец, не только для того, чтобы мы, открыв книгу-альбом, полюбовались красотой родных пейзажей и поставили её на полку. Авторы взяли за свой труд, прежде всего, для того, чтобы и мы вместе с ними “задумались над своей собственной жизнью”.

4

Что вспомню я? — это и есть стержневой вопрос книги, вопрос, проходящий сквозь все её восемь глав. Задавая его, авторы и нас приглашают в собеседники, чтобы мы, читая их книгу о Рубцове, путешествуя с ними по России и опираясь на опыт своей жизни, расширяли границы повествования и наполняли книгу личностным содержанием.

Гляжу на Ферапонтов монастырь, снятый Андреем Кошелевым в предзакатных сумерках со стороны Паского озера, и читаю строки Рубцова:

*И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...*

И соглашаюсь с Мариной Николаевной в том, что “время в селе Ферапонтове особенное — земное и неземное одновременно”. Только о двух селениях Рубцов сказал “Мне легко здесь дышится”: о сёлах Никольское и Ферапонтово. Автор права: “В каждом из них чувствуется, что всё ещё впереди — и грядущий уход, и возвращение...” Судьба вела Рубцова “по следам миновавших времён”. Она ведёт по ним и каждого из нас.

Вспоминаю свои встречи с Дионисием. Здесь, под сводами храма Рождества Богородицы, расписанными иконописцем пять веков назад, случилось однажды и моё прозрение. Тогда я понял, что “начало художнику” Дионисию тоже было нелегко перевести на язык живописный мысли и чувства людей, жаждущих преодолеть материю и выйти в мир нематериальных понятий и смыслов.

Что же сегодня заставляет нас приходить к нему? Не его ли художественное завещание, оставленное нам? А ведь, наверное, оно, это завещание, зашифрованное в его иконах и фресках, и есть то главное, что заставляет нас обращаться к нему и спустя столетия.

Я смотрю на фотографии, люблюсь рекой Сухоней — как величаво несёт она на Север свои воды! Представляю, как Коля Рубцов, студент техникума, мечтавший о море, “забирается на крышу Воскресенского собора, чтобы оттуда “увидеть всё” — неоглядные присухонские дали, “холмы с полями и деревнями, древние храмы, построенные тотемскими купцами-мореходами на “избытки капитала”, вереницы барж и призывно гудящих пароходов”. “Увидеть всё”, заглянуть за край неба и почувствовать дыхание воли. Читаю стихи Рубцова:

*Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.*

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

И вспоминаю родной ключ со звонким именем Гремячка, что с незапамятных времен бьёт из-под земли недалеко от моей деревни Попово. Речка, у которой я вырос, невелика – воробью по колено, но и она, перебирая на дне серые камешки, бежит к далёким морям и в жаркий полдень утоляет жажду русских странников и скитальцев.

Она – не Сухона и не исток Волги, который в сознании русского человека сразу наполняется смыслом державным, поскольку он даёт начало великой реке, понятие о которой, по словам Вадима Кожина, отражает вполне объективный плод многообразной тысячелетней деятельности людей в их взаимодействии с природой.

Но для меня и Гремячка имеет непреходящую ценность, как и для Рубцова – река Толшма, и до сих пор она освящает мою жизнь на земле. И ныне я нахожу время, чтобы испытать её живой, целительной воды и очистить свою душу до высокой пробы.

Я смотрю на горы Алтая, на высокое небо и облака, как паутинки, висящие вдоль горных склонов, смотрю на Чуйский тракт по берегу реки Катунь. Слышу проникновенный голос Марины Николаевны: “Николай Рубцов прибыл на Алтай в самый разгар весны, и та захватила его своим солнечным половодьем. Поэт взволнован и вдохновлён картиной весеннего обновления жизни” Здесь он “вспоминает родные места, и детство, и всё лучшее в своей жизни”. Вдали от Сухоны он не чувствует себя чужим, ведь по Сухоне “ещё до освоения Сибири были проложены водные пути в Европу – через Вологду, Тотму, Великий Устюг...”

Я читаю стихи Рубцова:

*Катунь, Катунь — свирепая река!
Поёт она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы, —
Они топтали эти берега!*

*И Чингисхана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И чёрный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...*

И уже вспоминаю, как мы с алтайским поэтом Иваном Белековым ездили на Телецкое озеро. Тогда-то, может, я впервые и замер перед немереной шириной русской земли. Тогда у меня, как и у Рубцова, тоже “проступили” в стихах “библейские сюжеты”, и я подумал о Боге. Мы сидели с Иваном у костра, и каждый думал о своём.

Я – человек равнин, родился в глухом костромском краю – у болота Ивана Сусанина. В полукилометре от нашей деревни, стоявшей на пологом холме, поднимался стеной сказочный лес, тёмный, дремучий, полный неведомых птиц и зверей. И я знал, что за ним уже деревень нет, за ним – край отеческой земли. В округе нашей в пору моего детства на каждом холме гнездились деревушка или село с полуразрушенным храмом. Между холмами покоились заливные луга с омутовыми речками. Не скажу, что холмистая местность была взгляду просторна, нет, казалось, что от крыльца дедовой избы до горизонта за дальним холмом и всего ничего – рукой подать. Я думал, что весь мир Божий – это и есть моя округа, очерченная линией горизонта, и только над ней опрокинут купол неба, и только над ней восходит и заходит священное солнце.

Но и здесь, в благословенном русском уголке, я чувствовал в душе своей сжатое пространство всей России и слышал, как оно внутри меня напряжено, как теснится во мне, гудит, звенит и просится на волю. Я ощущал его особенно остро тогда, когда замороженно смотрел на манящий вдаль горизонт, освещённый светом солнца, будто бы не с нашей, а с той, обратной стороны небесной сферы.

Мы ведь и рождаемся, наверно, с ощущением этого пространства. И мне оно передалось с молоком матери и её колыбельными песнями. Оно выросло в душе, когда я слушал бабушкины сказки о тридевятом царстве и стихи Пушкина о море-океане. Пространство напоминало о себе и небесным громом огненной колесницы Ильи-пророка, и клином журавлей, улетающих на юг, и просёлочной дорогой, что обрывалась у горизонта, и путниками, приходившими в деревню неизвестно откуда и неизвестно куда уходившими. Даже чувство невыразимой тоски, исподволь зародившееся в душе, и оно, думаю, было по нему – скрытому до поры до времени русскому пространству. И оно вселялось в нас от неспешного постижения русских просторов, потому что только в них и мог по-настоящему развернуться наш характер, только в необозримом российском пространстве и могли мы почувствовать свою земную судьбу и своё истинное на земле предназначение.

Листаю страницы книги...

Смотрю на дали, открывающиеся с крутого берега реки Оки у села Константинова (сердце заходится), читаю текст Марины Николаевны и понимаю, что её слово становится зримым, потому что его сопровождают и усиливают удивительной красоты фотографии Андрея Васильевича. Привязанность к месту и к человеку (дом, деревня, часовенка, фреска на своде храма, монастырь, пойма реки) придаёт им документальность, снимает с фотографий налёт “видовой открытки” и делает их для читателя объёмнее, “приземлённее”, а главное – роднее и душевнее.

Вот зеркало в доме-музее Сергея Есенина, а в нём – отраженный стол, покрытый белой скатертью. На столе – ваза с цветами. Смотрю и ловлю себя на мысли, что я раньше никогда не думал, есть ли в стихах Рубцова переключки с Есениным, есть ли что-то общее в их поэтических судьбах? Оказывается, есть. Приведу отрывок из книги “Что вспомню я?”, чтобы вы смогли почувствовать простоту и ясность авторского стиля:

“Приезжая в село Константиново, чувствуешь, что рождение гения предопределено здесь природой:

*Разбуди меня завтра рано.
Засвети в нашей комнате свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.*

Сам воздух в окрестностях Константинова, кажется, густо заполнен пронзительной есенинской лирикой. И вдруг – прислушайтесь! – откуда-то с севера – дуновением ветра – доносится протяжное:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды.*

В переключку с поэтом севера – новый ритм и новый мотив, может быть, самый сокровенный мотив поэта Сергея Есенина:

*Там, где вечно дремлет тайна,
Есть нездешние поля.
Только гость я, гость случайный,
На горах твоих, земля...
Не тобой я поцелован...*

И снова, как бы в ответ, как бы в продолжение желанного разговора – родственное, созвучное – Николая Рубцова:

*Случайный гость,
Я здесь ищу жилище...”*

Читаю текст, смотрю на огненный закат над Окой и вспоминаю свою поездку на родину Сергея Есенина. Давно это было, а помнится, как у своих на-

рядных изб на обочине деревенской улицы старушки продавали яблоки – по рублю ведро (год тогда на яблоки был урожайным). И тут “в продолжение желанного разговора” я с разрешения авторов привлек к нему ещё одного собеседника-единомышленника – поэта Станислава Куняева, одного из авторов книги “Сергей Есенин”. В одном из интервью он сказал:

“Мы понимали, что работа над книгой о Есенине, в сущности, есть работа по осмыслению истории России двадцатого века, русской идеи, русского будущего. Мы понимали, что работаем в страшное для России время и что именно сейчас разгадка судьбы и творчества Есенина для России словно бы последняя роковая ставка, которая поможет выиграть борьбу за историческое будущее. В процессе работы нам становилось очевиднее, что разгадать тайну Есенина – значит разгадать тайну и причины русской трагедии двадцатого века. Без этой разгадки будущее России неясно...”

А ведь такая же загадка для России и Николай Рубцов, которого и впрямь, по словам Георгия Свиридова, “многое роднит с Есениным”: “Его стихами говорит послевоенная, разорённая Россия, Россия детдомов, общежитий, казармы или кубрика и кабака, но не старого кабака, общего (как у Некрасова или Есенина), а кабака уже “домашнего” (в каждой квартире, в каждом жилом углу).

Рубцов и Есенин, Рубцов и Батюшков...

У авторов книги есть специальное исследование “Рубцов и Бунин. Пересечение судеб лирических героев”. Поэт не расставался с томиком стихов Фёдора Тютчева, который часто становился его ночным “собеседником”.

Спрашивается – для чего всё это? Только ли для того, чтобы “поразить читателей новизной находок” (А. Сальников) или вовлечь его в “диалоги Николая Рубцова с классиками русской литературы”? (Л. Беляева). Думаю, нет, хотя работу они провели огромную. Авторы книги подняли немало литературных и других источников для того, чтобы показать нам, как сильна связь между поэтами разных эпох, как плодотворна классическая традиция и как животворящи и знаковы для русской поэзии их взаимовлияния. А самое главное, авторы являют нам пример творческого единения поэтов, их духовного родства, верности своему призванию и судьбе.

Их мысль проста и понятна: какие бы на дворе ни стояли времена, велик только тот поэт, который укоренён в своём народе: “Быть русским поэтом – значит быть эхом русской земли, своего народа...” (Ю. Селезнёв). Надо ли говорить, насколько это злободневно для наших дней, когда из жизни и поэзии вымывается национальный дух, а слово русское выхолащивается и опошляется, когда в жизнь входят молодые люди, *не помнящие родства*.

На вопрос авторов книги – что вспомню я после встречи с поэзией Николая Рубцова? – адресованный себе и нам, я в завершении своих размышлений отвечаю так: вспомню, наконец, и о том, что я русский человек, у которого своя картина мира и своя философия жизни. Уж очень, замечу, русская получилась у авторов книга, да и сами они, близкие мне по духу, являют собой настоящих русских людей – сильных, надёжных и бескорыстных. На её страницах и образ северной Руси предстаёт достойно его многовековой истории – нежный и суровый, светлый и трагичный...

Что вспомню я? – опять спрашиваю себя и отвечаю: ещё раз о тихой моей родине вспомню, её неброской красоте, о родных и близких мне людях, живых и ушедших. Вспомню и о том, что родился и живу на благословенной земле, имя которой – Россия...

5

Закрываю книгу, но расставаться с ней не спешу. В душе ещё звучит её светлая мелодия. Нет, чувствую, не удержусь и снова открою. И вот опять с её страниц слышу знакомые запахи деревенского детства.

Село Никола. Старая конюшня, а в ней – сани, колёса от телеги и белая лошадь с подстриженной чёлкой и добрым взглядом. Евангелист Лука на парусах Никольского храма, одна из двух сохранившихся росписей. Нина Ильинична Клыкова на завалинке. О ней писал Рубцов в очерке “Огонёк в окне”. Река и небо, отражённое в ней.

“Всё дышит поэзией, – пишет Марина Николаевна, – шум ветра, крики коростелей, потрескивание костров, лошадиное ржание и – детское хоровое

пение”. Поэзия таится и в “загадочном” названии “Круглица”. Это местность за рекой Толшмой, где когда-то стояла часовенка, памятная жителям окрестных деревень. Здесь самый воздух насыщен поэзией. Она и в “горьковатом запахе дымка” над картофельным полем, и в гнёздах ласточек на отвесных речных берегах, и в землянике на полянках, и в растопленной печке, и в саях, летящих под угор “навстречу обжигающему лицо ветру”.

И вот эта поэзия, растворённая в природе и жизни, облекается в слово Николая Рубцова:

*Вот говорят,
Что скуден был паёк,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, —
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонёк...*

Что вспомню я?..

Диалог с книгой продолжается...